

Пол

Во второй версии «Ипполита» Федра, несмотря на, очевидно, неблагородные помыслы, всё же была прощена: в этой версии, в отличие от первой, где Федра умерла лишь после смерти сына Тесея, возможно акцентировать внимание на абсурдности самого существа Афродиты: мало того, что Еврипид демонстрирует импульсивное, мыслящее категориями, что люди условились называть инфантильными, божество, так и Артемида в переводе Анненского невольно подмечает эту метафизическую неувязку:

А меж богов обычай:

Наперекор друг другу не идти.

Мы в сторону отходим, если бог

Горячие желанья разливает...

Не говорит ли это о невозможности существовании еврипидовской Афродиты? Разумеется, нет. Трагедия предполагает влияние авторского женоненавистничества: учитывая это, воззвание Ипполита всё же демонстрирует себя со стороны весьма неоднозначной, ибо вполне взаимная претензия его воображает вокруг несовершенства первородных начал, и оттого это видится покушением на устои мира, на договор с допустимым:

О Зевс! Зачем ты создавал жену?

И это зло с его фальшивым блеском

Лучам небес позволил обливаться?

Иль для того, чтоб род людской продолжить,

Ты обойтись без женщины не мог?..

Появившееся в чреве пустоты дитя не должно существовать: не можется ему и появиться, не можется ему ходить по нашей тягостной ободворице, хотя, кажется, и грех ему чужд, да вне него невозможно рассматривать это дитя, и злополучие даже не в том: в осознании окружающими его субстрата чем-то схожим с их наполнением кроется смрадный трухлявый корень дальнейших бед, ведь завистлив человек и зол, и так путь лишённого луна заведомо справедливо определить страшным: столкнуться ему придётся с титанической человеческой тварью, и никто ему не поможет, и придётся заранее установить возможности этого несчастного в три пути страшно горестного обуревания, и хуже всего, что каждый познавший ощутит себя безлунным: появившееся в чреве пустоты дитя не должно существовать.

Виновен ли я в подбострастии, выражаемом по отношению к своим желаниям? Виновен ли я, что уродилась во мне воля к такой мрази, и всё же мразь ли это? Я облеплен вонзающимися в мою обнажённую пред блеском стали кожу кишкодёрами, но не могу

прекратить сомневаться: я никому не причинял боль, даже не мешал, однако участь моя неприглядна; и должно ли было оное предстать предо мною таковым? Не говорит мне никто, что судьба это не всех людей, да поощряемы мои вопли; задумывалось ли делать меня вопящим? Задумывалось ли каждое существо превращать в сущность? Не искажила ли вырвавшая связки жизнь телеса наши?

Я давлю её тело.

Чудь обязательно вернётся к нам с сокровищами, и дворцовое существо перестанет подползать ко мне в уже совсем редкие страшные мгновения: это существо не нуждается в зрении, ибо всё ему известно на совершенно ином уровне: чёрно-коричневое жирное чрево разрывает мои жилистые связки, и стыдится существо, как не стыдился я утром самого тяжеловесного греха.

С момента пробуждения прошло всего пару секунд, а столь элегантно выверенный изысканный лоскуток, с трудом сшитый моей нервной системой после последнего пробуждения, представшего предо мною примерно за час до нынешнего действа, так контрастно отрезвившего распылённые шелковистым дымком от утра ласковые мысли, уже виднеется лишь тоненькой временной неурядицей, сбившейся эмпирикой, нагружающей меня со вчерашнего дня, избегать которую мне даже не требуется: зумф цвета бри не обходят, ибо ноги твои сами не ступят на этот сияющий осколок земной поверхности.

Даже в обычные дни пробуждение даётся чрезвычайно тяжело: ничего особенно сложного делать не приходится, да и времени на утренние сборы удаётся заполучить в обилии, что, справедливости ради, аннигилируется условной необходимостью совершать действия исключительно со значительным запасом времени: редкой оплошности никто бы и не заметил, но для моего внутреннего мира подобный беспрецедент потенциально ужасен: дерево лишится корней, и так притворный мой лик потеряет былую харизму и стойкость, так столь шаткая система, умами окружающих номинированная только наполовину шуточно на выдающееся явление, обретёт уязвимость большую, чем у ума любого другого помешанного: вне строгого предсказуемого плана рассудок мой теряется, ибо пытался я всегда воздвигнуть принципиально новое; я не мог довольствоваться общепринятыми способами решения задачи, ведь попросту их не понимал, оттого якобы являясь владельцем выдающегося ума: это только лишний раз обозначает, сколь чужд я был своим соседям и друзьям, сколь ненормально моё желание обрести близкое к себе: в излишней заинтересованности для других людей априори данным я окончательно утерял то, что позволяло раньше говорить о надежде на только субклиническое состояние, хотя и сейчас суть моя не стремится обозначить диагноз, так пошло обобщающий природу метаморфозы моей воли; я мог бы помочь тем, кого бестактно называют похожими на меня, однако самостоятельно решить проблему мне и не может, и в

некотором осмыслении не хочется, ибо лучи резкого опала попеременно касаются моих широких изуродованных пор: ничего изменить уже нельзя, из человека я был превращён пространством в растянутую липкую прочную сеть, что ранее ни разу не давала пройти ни жидкостям, ни газам, теперь громко освистывающую мою слабость и вынужденную умалённость: я бы мог возмутиться, усомниться в правоте истории своего рождения, да Афродита моего гласа стала неестественно притворяться надменной, оправдывая ужасные деяния свои простой скукой, за тем имплицитно всё большее натяжение моих продуваемых телес: очевидно, не скука стала причиной убийства: причиной убийства стала.

Действия совершаются машинально: неудивительно, ибо в определённые периоды своей жизни приходилось выполнять поутру изнуряющие тренировки или продолжать терпеть голод: никто меня не просил, никто и не указывал на неведомость оно, однако я продолжал этим заниматься: я не хотел привлекать внимание, но к тому всё и сходилось: кажется, это ещё давало мне шансы на реабилитацию, подталкивало к тому, чтобы я рассказал все свои сложнейшие планы насчёт будущих серьёзных преступлений: так пространство спасло бы меня от их реализации, да спаянное сбивающим откровенный настрой чичером горло не давало улыбнуться окружающему добру и замечанию: не исключая, что в таком хрустальном ригоризме опять мне предоставляется шанс к спасению: я не сформировал ещё своё желание в огранённой искусной форме, тонкое колебание ещё присутствует во мне, да чичер продолжает веять, и очи мои безвекие отказываются глядеть в эту обозримую плоть.

Ныне, не отвлекаясь на отвратительные чувства, нежелательно охватывающие меня по краям временных отрезков наиболее, должно быть, приятной процессии, похоже, лишь взимающей с меня подобным образом непомерную плату, с которой я абсолютно не против мириться, полностью отдаваясь пространству приятного, природу чего, конечно, знаю, я продолжаю влачить этот шлейф деловитой отстранённости: неизвестно, лучше ли мне теперь живётся, да одно справедливо сказать точно: утреннее время проходит весело, если уж это слово в данной ситуации вообще уместно: за размышлениями проходят все сборы и часто тошнотворные своей обыденностью или пресностью этапы подготовки к распределению собственного ресурса к выходу из убежища: по истечении подготовки и по мере выхода из своего помещения подобные мысли оставляют меня; вероятно, поджидают дрожащим домовым под кроватью или внутри пошарпанной тщетными попытками внедрить в её систему устройство или методику для открывания с большим удобством полки: на самом деле: я иногда нервничаю.

По обыкновению весьма ощутимо отрешённого от внешнего на данный момент мира сознания утром я прохаживаюсь до необходимого места путём только пешим, отвергая почему-то относительную рациональность использования общественного транспорта ради

преодоления пути этой данности, чем ежедневно, исключая воскресенье и редкую субботу, несколько усложняю тяготу перемещения до некой точки и некоторого сооружения: сегодня же сердце мое соблаговолило отказаться от принятой исторически меры, отделяющей меня по утрам то ли от суматохи, которой я, в общем-то, и не сильно боялся, которой я не истязал свои бытийность и просторечие, то ли от дома, ставшего тождеством моего безумия: чем дольше и сочнее будет постепенное отдаление от него, ещё вздыхающего возбуждённой злостью, нагло воспалённой титанической садистской неудовлетворённостью, тем больше буду я злорадствовать и смаковать эти медленные мгновения, где лик того белёсого существа растворяют в моём остром, уноравливающем его острые вычищенные клыки со спокойствием молчаливых небесных пространств чуть омрачённого моей печалью цвета голубого пирожного глазу. Эту страсть я отвергнуть не мог, однако... Что-то стало меняться. Именно сейчас. Точнее, ничего не начало колебаться меж двумя полюсами: произошёл окончательный надлом, крайнее распадение более необратимо, и моя робость уже не имеет значения: удивительно, но ещё вчера можно было от этого отказаться: теперь ничего не изменишь, сокрыть я ничего не смогу, да и даже не планировал: я не хотел разрабатывать изощрённый план, я просто с достаточно трезвым умом сделал то, в осуществление чего до самого конца не верил: только теперь я стал убийцей: теперь, когда сам поверил в свершённое, когда всё вокруг обрело гармонию, и с тем я тоже под неё ассимилировался: меня не интересовала причина моего спокойствия, ведь и беспокойство не становилось ранее объектом внимательного исследования; я никогда не пытался себя вылечить, в чём до сих пор не вижу никакой проблемы: мне не нужен палач в какой бы то ни было форме, мне нужно было изменить какую-то мелочь, мне нужно было сделать нечто чрезвычайно маломощное, однако того я не нащупал: я столкнулся со страшным числом случайностей, и условность в виде таланта только пуще разъела мою волю: я отделился от себя слишком сильно, и более не имеет смысла предъявлять претензию моей слабости, моей жестокости или моему становлению: меня не должно существовать, и абсурдностью своею я совершаю направленное к спасению окружающих самопожертвование: да не сгниёт её плоть, да воспрянет пот её сладкий, да прекратится слабый кноп моей кисти.

Именно сейчас.

Сейчас я еду в прогнозируемо переполненном телами электробусе синего цвета с пухлыми белыми полосами: сперва чьим-то ещё дипломатом неловко и медленно перемещающаяся в разные стороны в надежде пристроиться удобным образом нога моя ступила на мягкую большую сумку: стыда я не почувствовал. Теперь в повёрнутую влево из необходимости определять сквозь окно нынешнее местоположение и невозможности разместить своё тело той же стороною шею мою упирается крупный острый локоть. Маршрут

весьма обыкновенен: есть место, что регулярно собирает примерно две трети пассажиров; собственно, в этом месте сел и я, посчитавший необычайной удачей привилегию встать не у одной из дверей, а чуть поодаль, что меня не сильно пугало, ведь в оставшихся местах большинство человеческой массы, так добродушно открывающей мне дорогу к выходу, рассеется идеальной гулкой сферой, не забывая и о немаловажной нижней вертикали; возле этой остановки есть и требующее моего присутствия место: это. Загадкой всегда был источник тех, кто заполняет сидячие места: путь транспорта начинается почти сразу с моей остановки, можно сказать, аккумулирующей людей со значительного периметра, всё же разделённого с местом первой посадки безлюдной пустошью; видимо, Стернячок в перерывах долго курит, за время чего набирается приличное количество пассажиров и в том безлюдном месте: я не знаю, что там находится; людей там живёт мало.

Пауки поразительно трусливы, и я бы устремлёнными на их слабое место довольными глазами осудил их, если бы не были они со мною так схожи, если бы паутина их не мешала естественному мечтательному танцу, если бы, как и в моём случае, они не боялись запутаться в созданных самостоятельно переливающихся чертополохом сетях лжи, если бы только эти искажённые цвета не заставляли меня увлекаться ими изнутри всё больше: не осталось и проблеска в этом заточническом уютном одеянии, сейчас моё скорбленное лицо полностью сокрыто от реальности, и лишь отражение способствует функционированию, хоть и столь жалком, что даже этот гигантский кокон окружающие готовы снисходительно игнорировать: за тем я более уверяюсь в своей мнимой гениальности, за тем я становлюсь всё толще, и хлещущие уже родных острые плети врастают в меня, в то, что привык называть собою: я обманываюсь так сильно, что за враньём теперь вовсе ничего нет: я превратился в изрыгающий только новую тесноту ком отзеркаливающих себя узких пространств, я вроде и имитирую близкое к честной природе, однако никогда не смогу уже коснуться чего-то естественного: остаётся только умолять о моём щедром убийстве: простите меня, но я слишком труслив, я слишком немогущ, мои боязливые плети способны ударить вас, да свои нежные тела сам повредить более никак не смогу: вскройте эту кровоточащую нить цикломенового оттенка, вырвите из моего растекающегося грехом мешка всё, чем я некогда укрывался, распотрошите самоназванное брюхо и порвите моё паучье тело, не позволяйте мне сворачивать вас тугой паутиною, что, безусловно, я в страхе попробую нелепо осуществить: я уже говорил: смерть свою я не могу вызвать самостоятельно: не могу и приблизить её: даже не противиться ей: да, так велика моя трусость: не верьте мне: сказанное мною не может не быть ложью, и я уже не сумею никогда оживить себя: я оставляю эту липкую полосу, дабы вы растерзали в лимфатических брызгах мой сколиозный из долгого пребывания в неверной позе хилый позвоночник: я буду сопротивляться со слезами, однако полновзвучные слёзы эти обозначат

надежду: вы мой спаситель, и только с вами в последние мгновения своего существования я смогу быть честен, хоть того вы и не услышите.

Нечто издаёт крик и становится причиной начавшихся только что словесной и кислородной перепалок: спровоцировал это вылезший из своей кабинки головой Стернячок, поведавший Утеруське о необходимости заплатить за двоих, причём недавно стоимость проезда немного поднялась; редко Стернячок ответственно подходит ко всем возложенным на него обязанностям, однако на нагруженных маршрутах всё-таки стоит быть внимательным. Он с шипящим звуком тления толстой сигареты сомнительного наполнения закуривает, попутно не без визуализации в голове сцен избиения объекта своей злобы придумывая слившиеся местами и с нестандартными междометиями выразительные неологизмы, дабы продекламировать собственное непонимание принципов мышления Утеруськи с авторскими наименованиями, так или иначе отражающими скептическое отношение к ней; та, считая своё положение достойным внимания жалеющего толка и прощения незначительных логических лакун, показательно раскланялась и быстро покинула транспорт, сдвинув резким движением голени ножку своего ребёнка в образованное открывшейся изжёвывающей материю дверью пространство и случайно за воспалённой гордыней выйдя вовсе без него: поэтому я и предпочёл небольшое отдаление: я, достойный в этой ситуации лишь скромного упоминания, такое механическое воздействие не посчитал бы и неприятным, однако для испуганного слабого ребёнка состояние придавленности раздвигающейся каждую остановку достаточно грубо и неказисто тяжёлой створкой двери электробуса равносильно жестокой ордалии: убедиться в этом мы не можем, зато способны с серьёзным лицом сопереживать; некто из находящейся ближе к водителю части толпы заметил окроплённое проступивши детскими слезами неприглядное событие; Стернячок, уже полностью открывая разделяющую пассажиров и водителя дверь, колыхнулся сам оказать помощь, да женщина, не озираясь лишний раз на уже рыдающего сына и не опуская высоко поднятый подбородок, быстро одёрнула его к остановке; водитель спокойно вернулся на тёплое сиденье, закрыл двери и заурядно поехал дальше. Примерно через десять метров неловкой поездки водитель, медленно и словно с удовольствием остановив транспорт, вышел из провонявшей кабины, чтобы, продолжая неторопливо дотягивать потоки лёгкого дыма, поднять штанги. В неуместном молчании люди старались не смотреть друг на друга: спустя липкую долгую минуту мы вновь тронулись, и непостоянный тихий шум наконец заполонил наше жалкое ничтожество: мы вновь можем поднимать заурядный апломб и гордо выделять для себя излишнее место за счёт неудобства молчаливого ближнего.

Я доехал.

Я перемещаю себя в близкое необходимому помещению пространство: дверь ещё закрыта: открывают её за минуту до начала действия, сейчас же данный акт моего милосердия над заставляющим ожидать обстоятельством был возвышен до необъяснимых высот: близких к невозможным: я готов простоять здесь ещё целую вечность или даже десять минут.

Некий рот сказал мне что-то о смерти нашего товарища: нашли его во взорвавшейся недавно от выброса метана каменоломне, находящейся близ нашего города; это мгновенно отвлекло меня от иных мелкозначных деятельности: именно умершему коллеге я вчера делал татуировку прямо перед его импульсивным смелым решением: мы стали братьями по решительности, и в какой-то момент мне стало его даже жаль.

Обстоятельства таковы: впервые сообщил мне о возможных человеческих потерях ещё рано утром другой мой товарищ, спящий чаще днём и узнавший о выбросе и идее моего клиента от меня почти одновременно: в самой шахте были найдены два трупа: мой клиент и его друг: доставать их было тяжело: мой клиент, по всей видимости, застрял в заваленном квершлагае, а его друг не смог выбраться, предположительно, даже после появления резкого запаха: последние мгновения их жизни, думается, были наполнены томной безмятежной расслабленностью: нечеловечески скрючившись, я с чавканьем доедаю зловонную пищу с невымытых, обросших уже сворачивающимися домиками улиток пожелтевшими ногтями рук: кровать рядом со мною щекошет фалангами пыли, и еда вновь наполняется слоем оказавшегося между пальцами мусора: я продолжаю умиротворённо чавкать.

Один факт меня почти озадачил: тела, даже придав это общественной огласке через новости, взяли на чрезвычайно необычную для нашего города экспертизу, которую будут проводить столичные работники.

Меня это не волнует.

Деятельность.

Кондратия Селиванова отвергли даже в круге хлыстов Акулины Ивановны, и примечательным в рассмотрении его жизненного пути стали не отвратительные игрища и процессии, которым вполне добровольно подвергали христоверцев и ранее; знаменательно, что его новый обряд не прижился даже среди этих людей: нельзя сейчас с полной уверенностью сказать об этом, однако справедливо предположить: влажные хрипящие гады увидели в тебе ещё более омерзительного гада; разумеется, это может заставить задуматься или усомниться: Кондратий поступает иначе; были скопцы и раньше, однако необходимо обозначить: ведущая интенция их родилась в Селиванове: остаётся искренний исполинский интерес: проходил ли мои вкусные через Царскую печать? Была ли внимательно наложена ушки?

— Я скажу тебе правду: я очень боюсь стать скопцом. Я не могу понять, что происходит. Я не могу понять, и это ужасно. Если бы кто-нибудь мог объяснить мне, однако никто не может. Ты был на парламентской республике, ты видел... объясни мне.

— Убирайся к ангелу! — шутливо ответил я, плескаясь.

Как я должен реагировать на эти мысли и слова? Я неприспособлен к этому; одна лишь надежда забирает могучую часть моей силы, хотя должна только придавать рвения: ничего в этом неправильного я не вижу: таков мой путь; основная дилемма не решена: что же мне делать в такой ситуации? Максимы не подходят, они не описывают в мельчайших подробностях все возможные варианты, а что... Что будет в случае необходимости выбирать? Зайти за одних или за других? Отец выбрал иную сторону, теперь мать должна его резать? Это правильно? Не знаю. Светское объяснение куда легче, ещё легче определить невзыскательные нужду и чувство. Чувственный мир стоит отдельным особняком: я и есть бесхитростный эмпирик.

Обратно я всё же иду пешком; теперь с ясными целью, идеей и планом исполнения, выношенными трезвым умом во время всей сегодняшней деятельности: сейчас начинается третий месяц зимы, и уже давно световой день стал немощен, а видеть я всё обязан в самых детальных подробностях, поэтому и ждать мне стало неправильно. Действовать нужно именно сейчас.

Я вхожу в ванную комнату. Ничего не изменилось. Я иду обратно. Я иду по коридору. В коридоре ничего не изменилось. Я должен войти в свою комнату. Нужно открыть дверь. Да, дверь тяжелая. Постою немного тут. Ладно. Я открываю дверь. Я захожу в свою комнату. Я сажусь на кровать. Они опять украли мои деньги. Я встаю с кровати. Очень сильно воняет. Кажется, из прилипшего к ногам мусора можно соорудить подошву. Я сажусь на кровать. У меня есть дела. Я встаю с кровати и иду к окну. К окну подойти не получается. Слишком много мусора. Я немного отхожу к кровати. Только кровать в относительном порядке. Мне очень плохо. Не расчищать путь к ней я не могу. Я сажусь на кровать. Очень твёрдо. Одеяло очень твёрдое. Я встаю с кровати и иду к двери. Я не забыл, что она тяжёлая. Немного постою тут. Ладно, я её не закрыл. Я иду на кухню. Не так быстро: сначала иду по коридору. Я остановился. В коридоре тихо. Я иду дальше. Свет везде выключен. Я давно научился ходить здесь в темноте. Я на кухне. Я сажусь на табуретку. Очень твёрдо. Очень твёрдая табуретка. У меня есть дела. Я подхожу к окну. За ним, безусловно, что-то происходит. Слабое нутро моё разрывается гулкой голодной печалью. Я не могу расслышать или разглядеть происходящее. Я сажусь на табуретку и кладу руки на бёдра. Очень твёрдо. Я встаю. Я иду в коридор. Я иду. Я на кровати. Моё рождение не было ошибкой: ошибкой было всё, за что ответственен только я сам. Я на кровати. Не так уж твёрдо. Я встаю. Я иду в коридор. Я поворачиваю голову в

сторону их комнаты. Это не длится дольше пары секунд. Я не пойду в эту комнату. Я иду обратно. Я сажусь на кровать. Нет, это не они стали причиной моих проблем: только если совсем косвенно: свобода, которую мне предоставили, конечно, сильно повлияла на мой и окружающий в моём осязании распад, однако проблема была всегда: может, они могли бы предотвратить это, но только я несу ответственность за свои деяния. Я встаю. Я иду в коридор. Ничего из этого я не выбирал. Я мог на что-то повлиять, но всё охотнее соблазнялось власти случайности: наверное, у других людей по-другому: я не смог побороть даже ничего. Очень твёрдо.

Вот она. После долгих тщательных наблюдений я обнаружил свой застывший в материи идеал, свою духовную оболочку: девушка в длинном светлом платье, которое, несмотря на вероятную скромность утончённой хозяйки, не скрывает плавности движения стройных юных бёдер, иногда случайно выделяющих лёгкую искусственность походки.

Насыщенное едким волнением сердце бьётся всё сильнее и сбивчивее, шум от его громких пёстрых ударов в краткое мгновение отбросил выраженные в мыслях о несовершенстве подобранного момента из-за незначительных, еле заметных физических факторов сомнения полным сокрытием звука и пространства извне; непостоянно выкрикивающие свои претензии думы окончательно затуманены дрожащей стукотнёй нетерпения, а покрасневшие от возбуждения глаза словно лишены значительной половины своей воли; я натренированным тяжёлым кулаком наношу удар по её хрупкой шее, постепенно утаскиваю пока только временно лишённое сознания элегантное тело за дом, с громким хрустом выкручиваю нежную выю, медленно выдавливаю спелые потемневшие глаза, аккуратно складываю её мягкий труп в заранее подготовленные большие пакеты и помогающие укрепить эту уязвимую тяжёлую конструкцию мешки извивающейся из неподвольной массы своей позой, замаскированные под специфические туристические или даже обычные мусорные: было ли это заметным? Никто не кричал, никто не подбежал, никто не стал меня избивать. На улице былолюдно? Не знаю. Я не мог думать ни о чём. Я несу труп домой.

Возле привычного бесцветного входа в подъезд замечаю, что уже значительно уставшие пальцы лососевого от долгого однообразного напряжения цвета мои, держащие острую ручку от большой входной двери, местами полностью покрыты ещё плотными остатками глаз моей скрюченной жертвы; с ужасающих теперь своим весом слоёв мешков, пакетов и их наполнения же бодро стекает тоненькая ниточка невязкой крови. Откуда? Не знаю.

Я двигаюсь дальше. Вызываю лифт. Находящаяся в аварийном состоянии уже не первое трёхлетие кабина, самая вместительный из являющих себя здесь, приезжает с

характерным звуком скрежета о стенки лифтовой шахты. Я сажусь в неё. Сколько я прошёл с целым кровоточающим трупом на спине в людном месте? Ноги жутко болят, особенно, по всей видимости, задняя группа мышц бедра: я нелепо поскальзываюсь в еле освещённом лифте и падаю на труп, ненадёжно пришитый соединёнными с мешком верёвками к моей изнеможённой спине. Я успокаиваюсь. Это приятно. Дверь лифта закрывается; чья-то рука останавливает его в самое последнее мгновение: улыбающийся низкий мальчик без обоих центральных резцов верхней челюсти, кажется, учащийся где-то в третьем классе, даже поспешно благодарит меня, взглядом игнорируя привольно лежащих прямо перед ним, за терпение и слегка ступает в область освещённой тыквенным цветом кабины, касаясь высоко поднятым в высокопарном выражении радости кедом распростёртого снизу живого колена: я продолжаю лежать; мальчик немного постоял с открывшимся непроизвольно широко ртом, громко закричал и, тоже теряя равновесие над небольшими лужами оставленной в подъезде крови, убежал: действительно ли он всё понял?

Я доехал до своего этажа. Еле вылез из лифта, четырежды нажатием на кнопку остановив его закрытие и единожды упав на приземлившееся уже чуть поодаль лицо; перед тем, как лифт уехал, я внимательно взглянул в него: кровь действительно расплескалась по всему довольно широкому длинному полу; я, волоча за собой жирный тёмный след и входя в лишённую малейшего проблеска света квартиру, вываливаю мешки в открытую возле входной двери ванную комнату, обломав край ванны и тем вызвав отвратительно зудящий своей громкостью треск: отошедшая острая часть акриловой пластины пробила глухим звуком мою невинно застывшую ногу, и я последними силами закрыл окрашенную разнообразнейшими брызгами и обычными пятнами цвета киновари дверь.

Если задуматься, сегодня первый день, когда именно девушки, а не товарищи хвалили мои тетрадные зарисовки: действительно, я и не знаю, что произошло: образы, ранее казавшиеся остальным омерзительными и неприглядными, приобрели в их небольших отзывах возвышенный и мягкий утончённый характер; одна коллега даже предложила сделать ей татуировку, что я обыкновенно практикую примерно раз в неделю: деньги от этого дела, хотя и формальная цена моей работы почти смехотворна, что я объясняю отсутствием удобной стерильной студии и нежеланием платить за её аренду, посылаю в благотворительные фонды помощи животным.

Я бы хотел набить татуировку той или этой девушке.

Я готовлю инструменты.

На защищённой снизу пакетом и лежащей под сломавшейся ванной, иногда отражающей под белой пеленой редкие части свои и мой онемевший от страха и уверенности цвет кремового румянца, побелевшей ноге уже начинается проявляться рисунок:

изображённый отдельно цветок артишоковой протеи, сзади которого виднеется размытый облик размещённого в центре города обветшалого деревянного дома. Мне нравится. Я продолжаю рисовать. Чертков в первой редакции «Портрета» обладал самой прямолинейной формой демонизма, глухо выражающегося через имя, чрез непоколебимые основы его существа: я владею им в тех же эквиваленте и начале, в каких гоголевский творец уродует безгрешие: я попросту не могу сотворить иное, ибо хлипкий остов мой развалился под неконтролируемыми молчаливыми бурями: я нечаянно переназвал себя чудовищем.

Противный возбуждающий запах крови, её пугающий, почти неестественный благодаря современным условиям жизни вид, да и причинение боли себе или другим, что только подтверждается особенностями нынешнего состояния тела клиента, если опустить подробность с раздавливанием совсем уж манящих меня скорее даже своей физиологией, интересом по поводу их реакции на механическое воздействие здоровых, лишённых лишних бугров лопнувших сосудов глаз, ибо девушку я не терзал физической болью и не заставлял проходить через иные страдания; даже в фантазме вымученной воли, когда подобное могло быть воспринято мною как свершённое, не стал бы я мириться с ролью мучителя живого существа: во всём это омерзении интересовало меня, скорее всего, только сдавливание, хотя трезвость и ажно факт неумерщвлённости жертвы здесь, думается, тоже нежелательны не только из банального неудобства: можно было бы объяснить такое непристрастие высшими материями, томно прошептав, что чистоплотность данного действия обозначает некую исключительную непорочность высшего порядка, что именно сдавливанием, соединившись беспорядочной смесью с наконец полностью открывшимся физическим животом, может проявиться весь потенциал внутреннего мира человека, претерпевающего в такие эпизоды особенно редкие метаморфозы, но стоит посмотреть даже столь немощной и неважной правде в глаза: такое желание в своём корне не стремится к наслаждению посредством воспаления боли в другом человеке; моя трусливая плоть стремится сдавить слабого так же сильно, как некогда мир сдавил меня, такого же немощного, а порой и лишённого жизни; я жалок, жалко и моё долгожданное торжество, что не сможет узреть иной человек: я труслив, потому и могу довольствоваться издевательствами даже над бездыханным смрадным трупом; до завершения татуировки я решительно, если забыть о простом неудобстве продолжения работы с кровоточащим и деформированным ещё больше телом, отказываюсь этим заниматься и ради исключительности зрелищ, красок спелого потенциального чувства: это первый человек, которого я убил своими руками. Первый человек, убитый мною не экстрагируемым из семян клещевины слабым ядом, что до последнего допускал во мне мысли о шуточном характере проделанного манёвра: возможные погрешности я незряче возвёл и в невозможность действия яда, оттого приняты были сразу две реальности: две формы существования, одним именем

назвавшиеся и в разнице своей обнаружившие единство. Вторая моя жертва. Она была слишком жива, чтобы я представлял в её облике подобного мне, хотя... На самом деле, тело её словно ещё источает ту жизненную мощную силу, которую я мог лишь поверхностно имитировать: до сути явления никогда не доходя, ни разу не определив, почему кому-то могут действительно понравиться другие люди: я мимикрировал только под самые примитивные поведенческие особенности, однако отсутствие при них неуверенности, суетливости и излишней весёлости рассматривалось окружающими как моя сильная, говорящая о непоколебимости характера черта. Откуда у них так много сил? Как они могут искренне хвалить другого человека? Я совершил слишком много ошибок. Увидевший меня не поверит, что излагаемое мною было обдуманно ранее: на самом деле, в том не уверен и я. Может, не нужно?

Десять лет меня мучили сны, но, справедливости ради, мучили не совсем в привычном понимании: истязали извращённым показным наслаждением; так, как терзает эротический сон двенадцатилетнего скромного парня, так, как мучают грёзы невероятными сюжетами, запомнить которые абсолютно невозможно, по крайней мере, и в половине их разнообразия, скучающего беллетриста; в этих снах я медленно расчленял, игриво душил, мучительно топил с перерывами на всасывание в раздутые затопленные лёгкие струй режущего воздуха, массово сжигал, давил могучими руками и прессом, долго морил голодом, травил разнообразнейшими ядами, оставлял наедине с крупными хищниками, спинавал на рельсы перед приходящим поездом и сбрасывал с края крыши высокой новостройки беспомощных и не очень людей, каждое утро просыпаясь с привычным чувством вины, обволакивающим меня не за собственные фантазии, а за отсутствие их реализации: в жизни это не принесло бы мне удовольствия, однако всё же это снилось, всё же как-то это смогло стесниться с моими мыслями и жизнью, чем-то это меня привлекало: я травил именно себя попытками уйти от этой страсти в творчество или пассивным просмотром соответствующих материалов: я будто перемещался туда, мои руки полностью произвольно размахивались веером, внутри моего опьянённого загадкой разума создавалась интенция особого рода, я, напыщенно демонстрируя мастерство дирижёра, представлял проникновение моих слюнявых надломленных ногтей в нежную окровавленную плоть, робко грезил о соприкосновении растянувшегося по всей фаланге заусенца на большом пальце с послушно извивающимися под моей бережной силой сосудиками, и этот колоссальный восторг не был мирским, он был лишён той омерзительной предметности, с какой можно обличить девианта в узком смысле этого слова: напротив, хотелось в эти мгновения очиститься от неприглядной оболочной грязи своего тела, долгожданно вкушая истинный, нелживый восторг: до сих пор только давка в воображении моём, хоть сколько-нибудь связанном с представлением о реальном воплощении, могла

предоставить мне какое-то удовольствие; именно занятыми рисованием несколькими торжественными секундами я наконец закончил отливание своей системы окончательно: только теперь я понял, что же буду делать с девушкой после завершения рисунка: «Ты тоже виновен»: я давно утратил прямую связь с покинувшим меня из-за непостижимой безобразности существа мертвецом и даже с ребёнком, только жалкими нервными всхлипываниями отвлекающего от серьёзного занятия, ибо со временем сам стал воплощением кроватного маломощного монстра, что имеет только один иллюзорный канал связи с людьми; впрочем, и он теперь оборвался тринком навечно закрытой дешёвой консервной банки. Все эти образы во сне не подталкивали к простому подражанию, к обычному повторению увиденного: они меня подготавливали; под гнётом долгих страданий я обнищал до отвратительной страсти к плоти, хотя и сам не был готов внять ей вживую: фантазия, приятный сон и кошмар не должны переходить в реальность, продуцирование уже познанного само по себе никогда не было достойно внимания, в форме сна демонстрируя возможность моего слияния с телесным, долгожданный пророческий намёк: я не должен получать столь обмирщённое удовлетворение от объединения с этим телом: я впервые должен отбросить лепестки лжи, я добьюсь хоть обиняка на честность с этим телом, я буду ему великим образом благодарен, и да простит меня его бывший владелец: я никогда не опущусь до попытки оправдать свои действия: я, лишь продолжая жалкое устремление от смерти, одиозен и для своего скотского разума: ложь в мыслях этих разваливает моё искажённое сознание, стыд колеблет мнимое отсутствие дрожи в руках: остаются последние штрихи. Остановлюсь ли я, если меня простят? Безусловно. Прощение станет для меня силой для воскресения, хотя таковой могло обратиться ужасное множество недосказанных любезностей: я слаб, я готов был пригладиться к руке своего невеликого спасителя, однако за десятилетие никто не пожелал стать и его тусклой тенью: я никогда уже не остановлюсь: могу испугаться, тактически прервать убийства или отвлечься на что-то другое, однако в парадигме моего существа прекращение этого попросту невозможно: излишняя абстрактность идеи способна оттолкнуть случайным представлением о моей истеричности, однако: однако: однако: однако: я не. Я не. Я не остановлюсь, ведь скоро я умру. Я. Происходит самоубийство. Иван Куросавы, несмотря на условную конкретность диагноза, значительно воздушнее, он следует интенции продемонстрировать невозможный идеал, страх в нём будто отсутствует вовсе, а изображение мук болезни почти полностью редуцировано: он лишь по-детски вопрошает, в мире произведения он цельный печальный демиург: раненная нога чрезвычайно меня озадачивает. Зачем мне давить? Что происходит? Ладно, буду делать то, что умею. Я просто выполняю свою работу. Почему я это совершил? Я не знаю. Невозможность иного исхода: ключевой идеей является именно инволюционная невозможность, что стоит против идеи о потенциях: не так важно, что характеризует

невозможность: отсутствие или присутствие: она обозначает категориальность, некую ригоричность, что спазмом проходит по моей слабости: впрогар торонятся лутошки наши цвета рясы: ноги сгорают: плоть сгорает: кожа сгорает: воздух: идёт война: убийство: убийцы не жестоки, жестокость для них представляется слишком неконкретным понятием: убийцы просто привыкли убивать: если бы вы привыкли, то тоже убивали с подобным хладнокровием: вы перестаёте осязать человека человеком: это боевая единица, это социальная единица, это единица, хотя иногда и их бездумное множество: как заставить человека убить: обманом причленив его к одной абстракции, обманом отчленив другого от неё: мерзкий солдат не был таким уж отвратительным до своего солдатства: разумеется, грех разъедал его, однако он не был убийцей: убийство оскостило его, и более он не мог привнести в этот мир жизнь, более он вовсе ничего не мог создать: он мог прожираться и пропивать, и в этом содержалась идея большей сложности, чем в войне: война выросла на человечестве зловонным дижоновым слизнем, и это самоубийство человечества не закончится до появления угрозы страшнее или уверенности, появления того, что сможет наконец лишить мир этого безрассудства, того, что выдворит из безумия детскую игривость и зло, что обличит за фантазией случайную зловонную реальность: интенциональное зло не существует, однако воплощение его находится именно в этом отсутствии самоубийства, в этой смехотворной трусости, что за числом жертв своих приобрела бесконечную ужасающую форму самопоглощающейся сферы: этот ихневмон не прекратит класть свои яички в чужие куколки и личинки, куда не будет изгнан, и изгнание его не обязано сопрягаться с новыми убийствами: мир без убийств не невозможен.

Татуировка закончена. Из невозможности нанести цвет становилось тяжело передавать текстуру и формы, что мне, отказываясь от публичного напыщенного восхваления собственных способностей, удалось филигранно, при этом не позабыв и о невычурной строгости, конкретности представляемого; лёгкими дымками позади основного образа я наделил фон утончённой воздушностью, лестно прикрывающей его стойкой защитой старшего родственника или славного союзника; сумелось в небольшой работе наиболее точно обозначить самые сокровенные переживания во время произошедшего: едва заметные штришки представлялись величественными колоссами на обличье общей иррациональной пышности, извивающей разнообразнейшие тонкие преломления, тщательно обозначенные в весьма обыденных обличиях; и тяжело было не любоваться творением, и проступили слёзы на моём покрасневшем от волнения зудящем лице, и поцеловал я ещё пачкающую прикасающихся к ней подсушенными отпечатками кровавой пыльцы работу: в ту же секунду отступила от моих век непосильная тяжесть и сколоченный хрипотой горький ком внутри гортани и глотки поодаль вновь распался случайно стекающей слизью; невозможным стало

бездрожье: перестала болеть длинная хлюпающая рана: находящийся в ней большой осколок царапает теперь иначе, теперь мучения мои будто уходят в зловонное пространство комнаты; теперь незначительным стал полный отказ от сокрытия улик: я словно и напрашивался в обоих случаях на поимку: сперва я со стороннего аккаунта отправил товарищу новость о выбросе метана в заброшенной каменоломне, потом же с основного рассказал о вчерашней идее клиента, полностью осознавая невозможность свершения описанного в статье события без чужого вмешательства и очевидную подозрительность, хотя он, видимо, так ничего и не понял: не от глупости, но от своей человечности: в теле, как мне случилось, уже нашли ригин, а в искусственности возникновения взрыва и сомневаться не стоит; меня поймают, и только сейчас я по-настоящему живу, секундами преломляя это великое шествие на бестактные по отношению к себе же оправдательные размышления: не существует максимы, что подойдёт моему случаю, и единственное оставшееся намерение моё — следовать случайно отобранному происхождению: война не спрашивает насчёт настоящей веры, она спрашивает насчёт принадлежности к искажённому мнению, отчего выбор правильной стороны и невозможен: в значительном или нет потрясении от изображающих монструозные гремящие взрывы и разорванные трупы видео, снятых едва способными к удержанию телефонов неадекватными испуганными людьми, отсутствия наличных денег в банкоматах в первые недели после начала войны из-за страха населения потерять все находящиеся в российских банках сбережения, повального уровня миграции, с каждой волной всё меньше оставляющего надежду хотя бы на выживание в заполненном привычным угарным газом горящем доме, что словно с насмешкой разместил тебя на самом верхнем этаже, постепенно начинающем впитывать запах страданий, неожиданнейшей повсеместной истерии, отсутствия рабочих мест с адекватными условиями, отсутствия отечественных деталей для техники, вестей о поднятии самолетов системы управления коммуникациями при ядерной войне в небо, обязательного ношения оранжево-чёрных ленточек, всеобъемлющей ненависти ко всему населению твоей страны, слухов о потенциальной нищете, которые в своё время никто с полной уверенностью не мог ни подтвердить, ни опровергнуть, абсолютного непонимания происходящего, чудовищного цензурирования, объявления всех митингов нелегальными, чем делают легальным и пытаются сделать легитимным насильственные подавления любых волнений, изоляции от других стран, лишения людей привычных товаров, зловонного закона о дезинформации насчёт армии, смехотворного закона о запрете эквивалентной лексики, удорожания и без того посредственной продукции и уже связанных с мобилизацией бесконечных импульсивных разговоров, подозрений, деструктивных страхов, целых массовых утрат из-за неё: поздних событий, порой ставящих трусливого современного человека, что не овладел в полной мере навыком шнурования низкой обуви, в неправдоподобные жестокие условия, где здоровый

человек оказался не нужен, где более нельзя отличить одну изображённую истиной абсурдную галлюцинацию от другой, возникшей в поражённой ото стресса толстым грибок голове во время сна или любой другой формы восприятия мозгом информации: всё можно уже полностью объединить: жизнь человеческая была лишена правды, теперь подстроиться под неё сможет только самый сильный в хорошем смысле слова и самый безнравственный, ибо реальность, где официальные источники повторяли сюжеты сатирических произведений, ежедневно сталкивавшиеся с большей жестокостью авторы которых даже предположить не могли, что властное гаерство подобной позорности и нелепости возможно, где утром он готов был засесть в своей уютной шумной норе недвижимым пианистом, а вечером в состоянии отчаяния направлялся в военный комиссариат для поджога, представилась обгладывающей твой затылок мощной уродливой тварью: население забывает о возможности не вступать ни к кому, возможности не выбирать из отвратительного в желании вставить противоречие, в желании обесценить эмпирику другого; прямой противоположностью этому является прикосновение к божественному, к истинной страсти, и только это важно: без этого не сможет существовать будущее, без этого физическая война после своего прекращения переляжет на плечи циклично повторяющих один и тот же безбожный лозунг людей: светское описание действий достойно анализа с различных сторон, однако особенно важно в такие сложные исторические времена не терять себя, не склонить голову пред непощением, продолжать путь к божественному: только Господь и самоотверженная человечность смогут спасти от этого: помогать людям, хотя бы не поддерживать отравляющих помогающие руки; стремиться к хорошему можно и без причисления себя к тем или иным смердящим представителям человечества, что всё же должны после отказа от своих убийств быть приняты вытерпевшими их безумие, ибо без прощения нельзя будет построить мирную жизнь, без прощения никогда не выплывет человек из пробивающейся сильным потоком чрез сочную дыру в его мягком чреве кровавой реки: божественная сила должна свести их друг с другом, должна заставить одного сдаться, а другого отступить, и опустошённые земли станут плацентой этому безлунному ребёнку, и проявится тьма скользящим лучом тяжёлого мира.

Я резко восстановленными восхищением силами обхватываю её хрупкое податливое бедро, ранее едва ли поместившееся бы в моих относительно хлипких дрожащих объятьях; теперь я сжимаю её сочную блестящую плоть уже льняного цвета куда увереннее: под облепленными необыкновенно яростно надувшимися толстыми бело-зелёными венами фалангами всех пальцев моих начинает рваться гибкая пористая ткань неопределённого материала, отдающая этим шумом в истончённые восхищением колеблющиеся перепонки; и даже прочную крупную бедренную кость вознамерилось мне переломить одними только мозолистыми вспотевшими ладонями: я ощутил неутомимо пульсирующие у глаз щекочущие

тонкие сосуды, оборвавшие свои появлением самоуверенную череду тщетных попыток; я быстро перегруппировался, с императивной гримасой разом сломав могучий объект своих заносчивых усилий сильным движением налитого силой и возбуждением колена не без помощи массы остального отрезвлённого поражением тела: звук словно прошёл сквозь всю мою влажную настойчивую плоть, взбудоражив каждую ранее спящую частичку возвышающихся над собою с каждым мигом телес, и заметил я начинающую разливаться сбегаящими неглубокими нефтяными озёрами вширь под сломанным безвласым бедром руду: из-за открытого перелома ещё бьющий внутри носа отвратительными иглами запах крови стал невыносимым, однако нечто всё-таки смогло меня случайно привлечь, и прильнул я своею левой разгорячённой щекой к стекающей густой жидкости, отчего спокойный поток успел уверенно внедриться и в рот мой, что призывно открыть я мог только слегка, так, как может это сделать приложивший все усилия помешавшийся человек, то есть абсолютно недостаточно для моих дерзновенных ненасытных желаний, и под открывшееся от давления довольное веко: случилось действительно прекрасным такое вычурное незапланированное бурление, и с удовольствием обмочился я всем телом своим в этой местами свёртывающейся похожими на крошечные, порубленные туповатым топориком эмбрионы бордовой влаги, лестно сверкающей на моих только чуть приоткрытых губах и глазах, и даже почти полностью повторяющая своеобразный путь ещё торчащей из меня немалой части ванны по отношению к уже другой части тела кость успела слегка уколоть в ту же повёрнутую девственную щёку, благодаря чему я чувствительной десной ощутил тупое болезненное чувство, только добавившее мне опьяняющего азарта во вкушении этим духовным яством; тут я и заметил удивительную деталь: покладистый своему весу полужидкий мозг клиента стал вытекать из ушей, по крайней мере, мне так показалось: начало появляться расплывчатое ощущение, что нечто похожее уже было воспринято мною некогда, однако конкретизировать это мне не удалось и после закатывания дрожащих под мерцающими алой блёсткой веками бесцветных глаз, так удачно подчёркивающих ярким зеленоватым оттенком мой украшенный брошью с декоративной частью в форме крупной чёрной тахины рабочий пиджак, в котором, стоит заметить, я нахожусь, воспринимая его уже совсем иначе: будто перемена моя внутренняя от чрезмерно активных дум отразилась на облике самым прямым образом: может ли мозг вытекать через ухо? Свободно ли человеческое тело от своей напыщенной ограниченности и таланта? Почему упавшая передо мною женщина не двигается и почему я так пугаюсь звука приближающихся мужских шагов? Лизнул бы я сладостный сок этот с целью определить справедливость собственных скверных догадок, да не дотянулся, ведь притягивает собственная кипящая желчь к иной плотности клиентки моей мощнейшими силами: неуверенно стягивающаяся к носу челюсть сделала, необдуманно прилѣгши под прелестями

мысли и воли моих искренних, рывок, приблизив вспотевшую голову вплотную к мягкому, оголённому положением туловища стройному животику с аккуратным узким вертикальным пупком: последовал неконтролируемой дикою волной молниеносный, ревущий грохотом собственной мощи укус: последовало смыкание многочисленных ртов моих осквернённых, и деликатно откусана была часть тела, и исключительным образом внимание одурманил, казалось бы, уже привычный в последние мгновения звук рвущейся, ломающейся терпкой плоти, и нельзя передать этот свистящий стон лёгостной души, и сравнима быть не может эта дражайшая трупная ярость столь сокровенного вкуса с популярными представлениями о ней: в записи слышным могло бы стать лишь невзрачное слабое похрустывание: тут же слышишь ты и ощущаешь это пение внутри своих голоса и чрева, и живот, объединённый с раскатом уже быстро остывшего, но ещё хранящего память о былом величии пуцолана, действительно воплотился единственной связующей общностью: мои отвердевшие ушные хрящи с кончиками цвета коventри стягивались и трескались, миллионы раз восстанавливаясь и усиливая шумы эти могучие, звуча глухими шипящими циклами, дерзновенно отрешающимися от реальности громогласным эхом: Аристофану верят до сих пор, и люди, зная всю историю и думы его современников, ставшие причиной гибели ужасной, невозможной в мире существующем, продолжают софистами звать неграмотных или тех, понимание идей которых стоит вне их возможности и таланта, и миллиарды людей представляют собой Стрепсиадов, да не от молчаливой консервативности и благого помысла, а от иступлённого самоизбиения: непощение стало уничтожающим здоровую мысль ужасным пороком, и сами способности автора были запятнаны третьим позором непонимания, и от творения своего он не отказался, считая его величайшею своей работой: сам же он мысль не сжёг, имитируя стрепсиадово желанье, однако посадил семя горести и лжи, и не был он заинтересован в жизни спасателя, и было творчество народное жизнью его истинной, глаголющей лишь душу его и невежество, и прощены будут все эти мародёры и убийцы, и восторжествует идея почившего от невежества; я аккуратно приблизился вновь, но уже прямо к слепящему мертвенной звёздностью лицу: я увидел его, я поник под свинцом этого колющего будто в горячем окружении арьяна; этот доблестный лик, что тем сердцем вскружён — я его не щадил, только прочил псалмом — этот доблестный лик — я лишь: я смотрю в пока застывшее лицо клиентки, я открываю рот параллельно случайно показавшей свою строптивую страсть десне и неловко погружаю язык в захлебывающийся фонтан истечений; я одномоментным, задействовавшим мышцы всей верхней четверти тела укусом обрубаю её толстый аппетитный язык, ловко поместив себе эту непозволительную роскошь в еле закрывающийся теперь и оттого рот: во сне вкус человеческой плоти был похож на смешанную с совсем небольшим количеством самого дешёвого безвкусного паштета, одаживающего тебя ещё и обломанными хрящами, даже

впивающимися в мягкие ткани острыми осколками пухлых косточек, суховатую пресную перловку: в жизни же было бы наиболее корректным сравнение сырой свежей человечины, которой индивид искусил себя впервые, с сырой свининой, но для людей, организм которых, вызывая слабые рвотные позывы во время каждой мысли о находящемся во рту, её интуитивно отвергает и в обработанном виде; непригодные для пережёвывания ткани я неумело отплёвывал, часть, будучи заложником физических ограничений, оставляя на своём, как могло показаться из обилия текучих масс на нём, почти жидком подбородке: с довольным выражением лица я, всё ещё прерываясь на действия брезгливого характера, доел кусок насыщенного сосудами сырого человеческого языка, что вызвало громкую смрадную отрыжку, отдавшую омерзительно резкий запах к носу почти мгновенно и спровоцировавшую небольшой наплыв чуть сладкой тошноты, которую я без особого на то внимания проглотил с едва проглядываемой улыбкой на лице; ужасное совершено: это не то, что можно было бы назвать вкусным, однако само делание этого, сама форма этой трапезы мне видится восхитительной: сперва я трепетно вкусил звук её небольшого луна невероятной гармонии, после услышав поражающий своей величественной многоаспектностью вкус, и рупасом я возбудил почву эту, и умеренного антрацитового цвета стали все изящные горбики этих смиренно ждущих своего упоения робких существ: как афиняне в письме Гипериона, девушка эта стала самоценным идеалом, несмотря на это, ограничив своей красотой собственную волю: безлунное дитя не должно существовать.

Я с трудом заткнул обильно обливающийся кровавой массой неподатливый рот клиентки пятью справляющимися с данной задачей не лучшим образом пористыми губками для посуды, в лишённой здравого осмысления спешке пытаюсь хоть так остановить уже нетерпеливый сильный стук соседей из-за затопления пока неопределённого для них происхождения красной жидкостью, всё же не могущей не напоминать о своей истинной природе и неунывающему ребёнку, что они, видимо, до последнего, даже увидев подозрительные пятна на моей светлой двери, старались и стараются ещё игнорировать; шатающуюся над собственным весом липкую голову я обернул тремя пакетами, попытавшись усохшим монтажным скотчем отдалить получившийся образ от формы или размера человеческой головы; ближе к основанию пакеты отказывались натягиваться уже полностью лишившимся своих липких свойств скотчем: на сдавленной тяжестью тонкой мембраны моих воображаемых кистей звёздно-белого цвета шее я туго затянул прочный узел, вызвавший очередной сильный плевок вонючей крови изо рта, чётко проглядывающийся своим следствием на сокрывающих верх тёмных пакетах неглубокой натянутой жирной впадиной цвета полного затмения: снизу отдельные дерзновенные липкие струйки продолжали стекать,

но сильно это порядок дел не меняло: основная масса запечатана внутри хрупких мусорных мешков.

При поедании языка было получено моим умом и чувством нечто чрезвычайно необычное: гематоэнцефалический барьер пропустил не только вещественную часть нежной человеческой плоти, он наконец позволил мне достичь именно потаённого знания этих чарующих телес, он изменил что-то на отдалившемся и от былой абстрактной интенции уровне: мой запах начал изменяться; накалённое удовольствием и с тем скривлённое в отвращении лицо было той самой неожиданной рвотой от перебора неопытного человека с попробованным впервые наркотиком, однако теперь начинает ощущаться некоторое нарастающее благоухание от приёма в пищу этой непривычной моему телу пакости: слегка кружится отяжелевшая голова, а распылённому новыми впечатлениями взгляду тяжело сконцентрироваться на чём-то одном, отчего сразу несколько объектов сознание смешивает в единую сбивчивую картину: словно ритмично нажимающие на что-то пальцы перестают перемещаться под моим нестрогим подчинением, хотя блаженное состояние это, продлившееся буквально одно неизмеримое мгновение, контрастно улетучилось, оставив меня только с едкой, душащей вновь проявившейся несвободой дымкой в голове, перемежающейся с напоминанием о необходимости мучительного поддержания собственности в руках и узде ради защиты от потенциальной будущности, обыкновенно проистекающей из подобных необдуманных действий; утилизация трупа по Соколову, к возможному значительному удивлению услышавшего о моей ранней серьёзности в рассмотрении этого варианта, что в полной мере было понято лишь сейчас, мне недоступна: в относительно приземлённом расчёте прочие идеи, разумеется, мною считались и до этого куда более осуществимыми и логичными, и потому постоянно присутствовало осознание дополнительных сценариев развития моих якобы универсальных действий: сейчас же осознаётся невозможность осуществления вовсе любого безбрежного или позволяющего хотя бы отдалить своё задержание на пару дней плана: мне, впрочем, до этого нет дела.

Не рассматривается клиентка, вопреки могущему появиться после лицезрения моего вида во время поедания языка впечатлению, и как имеющее только значение малоценного или нет сырья для обедов и ужинов: мало того, что калорийность условно труднодоступного человеческого мяса почти в два раза уступает энергетической ценности достаточно дешёвого говяжьего, отчего недалёкий приём подобной пищи становится только незамысловатой изысканностью, так и вид наскоро слепленной трупной заготовки не принёс бы поутру мне абсолютно никаких ненегативных эмоций, и сжалился я над честностью судьбой своей, в аффекте сдавшись воспалённому ложью закону, представители которого яростно ломали многочисленные головы над невероятно тщательно продуманным загадочным похищением

ХрЯщЖя подарил дерево своемухЪЪШшШШШтут очень тихошРРРнАбХРЯш: ХрЯэти места пугают гигантизмомещЖхЪЪШшШэти места так забытыхШшРРРнАбХРЯш: прыгну я умрубХРЯш: ХрЯщЖхЪЪШшШэти места так забытыхШшРРРнАбХРЯш: ХрЯщЖхЪЪШшхотя тут такШШшхшРРРнАбХРЯш: ХрЯщЖхЪЪШтакое большоешШШШхРРРнАбХРЯш: ХрЯщЖхЪЪсейчасЪШшШШШШтут очень страшношРРРнАтут очень страшнобХРЯтут очень страшно: Хтут очень страшноХтут очень страшноЯщЖхЪЪШтут очень страшношШШШшРРРнАмне страшнобтут всё забитоХРЯш:

Будет ли, повторяя судьбу Гавейна, население прощено серо-зелёным демоном, ставшим мостом к оправдавшему страсть перед магией пояса Богу?

Поедание ногтей идентичным каннибализму образом демонстрирует привязанность к человеческой плоти, хотя аутоканнибализм, как нетрудно понять, чаще, только усмиряя негативный раздражитель, не становится следствием желания получить от этого некое позитивное наслаждение: абстрактное в том числе.

Плацентофагия не считается, что желательно ещё дополнить учётом вероятности заражения инфекциями и получения несварения, практикой, влияющей на внешний и внутренний дух индивида плодотворно, она не приносит никакой ощутимой пользы, что можно было бы задокументировать на сегодняшний день: хотя часть потенциального вреда, разумеется, уже обозначилась; несмотря на очевидную сомнительность подобной практики, феномен такой необычайно распространён, и неизвестно, по крайней мере, конкретно мне, есть ли точная корреляция с временным макроциклом: сдаётся, частотность нестабильно скачкообразна: зависит от точечных культурных особенностей и условно ярких тенденций общественного сознания; сейчас же отследить конкретное направление вектора тенденции с нынешнего временного расположения, вероятно, не так тяжело: употребление плаценты в пищу сейчас становится условно более нормальным именно в среде человеческого взаимодействия: самостоятельно женщина едва ли взялась бы за подобное дело с наблюдаемым у них сейчас энтузиазмом даже при рекомендации врача. При невозможности самостоятельно обеспечить срочное пополнение энергией одинокие млекопитающие, некоторые хордовые и беспозвоночные матери в природных неснисходительных условиях весьма прагматично могут возместить убыток плацентой: да тромботические осложнения у поедающих плаценту женщин, к сожалению, не смогут быть оправданы удовлетворением такой непритязательной в современных реалиях потребности: возможные положительные влияния плацентофагии вполне способны в каких-то мере и условиях стать адекватно мотивированными или хотя бы в теории могущими работать, однако риски с современным знанием явления всё же слишком велики, и может возникнуть следующий вопрос: схожее желание связано в первую очередь с социальным фактором: с бездельной избалованностью,

стремлением выделиться и заурядной модой, но не значит ли это, что при определённом обстоятельстве рождение ребёнка в качестве побочного продукта может сделаться нормой? Такое преувеличение носит характер язвительный, однако количественно подобную планку безумия люди уверенно превышают, после убеждая товарищей в нормальности успешно свершённых деяний и склоняя к обретению схожего опыта: прошу заметить: роды и облепившие в узком временном эквиваленте связанные с ними события не должны подвергаться исходящему от моды риску, проверка которого опускается в силу молниеносности появления латинской меры и воплощения её в едва разомкнувшие веки сонную реальность; ребёнок не должен становиться жертвой иррациональных веяний косвенно проглядывающей за грань разумного деятельности: НЕЛЬЗЯ ЕСТЬ ДЕТЕЙ ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ ОЧЕНЬ ВКУСНЫЕ: трансгрессия обязана быть истолкована правильно, граница была объята опийной настойкой цвета мутноватого зефирного цвета, и более нет перехода назад, более нет шанса вернуться к былой трезвости, никогда уже не будет такого сладостного вкуса, как внутри материнского чрева, что ещё крепчает большие круги всесильных следователей неприглядного: меня не должно существовать.

Всё это еле протягиваемое удлинённым безчарной нескончаемой спиралью мгновением строгое время стянутый сошедшими со своей воздушной опалубки мешками влажный лик клиента словно продолжал наблюдать за мной и после занавешивания очей и ротов: я более не принадлежу этому миру, теперь она смотрит на меня с явным отвращением, теперь она видит во мне лишь слепую констатацию запечённого в боли тела, отупевшей до примитивного чавканья жизни, механического биения ослабленного сердца, уже столь фальшивого, что продолжать размышлять мне попросту нельзя: я способен только на ошибку, только на повторение сказанного: правда выльется из уст моих лишь чудотворной случайностью: в дрожащем исступлении я ощущал её сильно опухшие и неизменно глядящие сквозь меня розоватые глаза с частыми вкраплениями ярких красных разводов, рельефом угадывающих все мои осторожные гибкие извилины, и смотрели эти серьёзные погрузневшие кривоватые сферы с глубочайшим осуждением за те ошибки, допущение которых мне и должно было, вероятно, проститься в сравнении с остальными совершёнными подвигами, даже рядом с собой не расположивших некогда воображаемые и фактические оплошности, и достойными за иными грехами упоминания ошибками не могущие оттого называться; взор этот будто становился причиной случайно совершённых лихорадочных колебаний всего тела девушки, видимо, попытавшейся некогда отсутствием оных спрятать признаки продолжающей свою жаркую борьбу за право лишиться моей компании жизни, в чём я серьёзно сомневался на протяжении пары уморительных для удалённого на небольшую дистанцию зрителя секунд: в колеблющемся синкретизмом окружающего и внутреннего восприятия каждое слабое

движение, обоснованно следовавшее за незначительным механическим воздействием с моей стороны, превращало белёсое спадающее тело в пульсирующий лёгонький калачик, так доверительно смущающийся под моей властной способностью вершить её задачу: я словно отделился от себя же: словно кто-то со стороны смотрит на меня, указывая на правильные мысли и действия, однако я понимаю, что его не существует, почему и не оборачиваюсь; понимаю, да его появление не можется мне игнорировать: жизнь моя уже не обретёт былую гармонию: этот ком звенящего своей тяжестью жира и разливающейся по светлому потолку чёрной крови показался только сейчас: его облики в темноте сверкают пугающими монструозными лицами, но я продолжаю опьянённое игнорирование: в грубой телесной оболочке пару раз удалось случайно разглядеть черты гигантских блестящих линз, и с тех пор его манипуляция превращала отвратительный облик в нечто приглядное для меня, с почти роботизированными изгибами и плотностью облизывая моё разлатое пресное существо, да того уж и не требовалось: я слился с ним ещё до нашей встречи: кровать мне теперь не нужна.

Дантовский живой нейтралитет являл собою дело весьма неблагородное: расценить отказ от примыкания к кому-либо слабостью кажется неугомонно спешащему жителю современности наиболее логичным и, что стоит чаще выше объективной правоты или хотя бы сознательности и человечности, быстрым: жертвою таких спешно ставших критически ужасными мыслей в итоге становятся именно те люди, что сумели сохранить трезвость и суверенность от по-настоящему опасных прелестей, несомненно, находящих объяснимое оправдание как позволительную в аспекте анализа человеческого права ошибаться недальновидность погружённых во всецело одурманенное непониманием общество и сам государственный аппарат, появившийся, относительной справедливости ради, из такого же греха; и часто вид активного интереса у ближнего может быть объяснён только ролью репродуцировать некий выразительный лозунг: именно лозунг, а не действие или намеренье: в ситуации отсутствия такового наблюдатель ставит себя в позицию априори правого: он видел трупы, он был близок к смерти; продолжение или нет его материальной жизни зависело от одной только случайности: подобная судьба достойна вызывать уважение у сумевшего пройти чрез неё, однако никто не смеет ставить государственность выше права сосуществовать: в принципах определения судьбы в столь однозначных величинах номинация насыщения поступка скажет о вымученной греховности: убийцы, возможно, не хотели убивать, никто не исключает и того, что они отказывались это делать: положение это случайно: даже после громких слов о готовности лишиться соседа жизни здоровый человек вне аффекта не сможет сохранить былую решительность при виде распластавшихся по привычному приятному пейзажу кишок убитых тобою людей, таким же случайным распределительным образом попавших в антагонистичное положение; отсутствует здоровое

зерно и в попытке обвинить одних государственных деятелей: часть из них, что вряд ли сможет быть поставлено под сомнение после условной открытой печати основанных на скрывающих хоть половину аморальности их жизни фактах биографий, созданных уже через некоторое время после смерти, единолично исчерпала человеческий предел могущих быть совершёнными населением стотысячного городка за десятилетие омерзительных грехов, однако выстраивание односложных конструкций неспособно дать хотя бы неведомых плодов: в объяснении такого представления приходится прибегать к структуре того же дантовского Платона, иначе следует расписывать полноценный манифест, и ключевым становится именно то, что неожиданно стремиться стать святым не стоит, ибо осознание греховности приходит со временем; убийцы, пришедшие к этому, безусловно, благодаря потоку собственной воли, тем не менее, не осознали ещё природы греха, и потому не могут быть судимы окончательно и совершенно: они имеют право на прощение, хотя оно и должно грамотно защищать окружающих: так и солдат имеет право на жизнь в мире нормальных людей или столь же больных, как и он, причём подбор физически близкого человека чрезвычайно важен: он может поддерживать связь со всеми при соблюдении определённых условностей, да жить при этом только с имеющими схожий опыт людьми, регулирование поведения которых обязано быть щадящим, однако не халтурным или медицински неверным, и только избавив нервного агрессора от страха, желания оттого доминировать над своим народом и власти получится прийти к соглашению.

Из рта моего с хлюпающим свистом равномерно стекает изрядно пахнущая для окружающих жирная струя слюны с кровавыми вкраплениями вязких распадающихся ниточек: масса эта, несмотря на отсутствие интервалов в непосредственно самих образовании и начале своих, шлёпалась об кафель с исключительным непостоянством, каждым звуком плескаясь уже не в ушах моих и стрекочущих гулким резонансом улитках, а словно в некой величественной дали: будто одиноко стоящий в изношенной временем бывшей кухне ржавый кран, судорожно выплёскивающий последние свои силы и возможности вызывающими только сожаление незначительными капельками цвета летнего душа, даже не способствующими просматриванию чего-либо сквозь туманную малахитовую наполняемость смердящей колючим шумом комнаты, переигрывающей в свете хором распростёртых по всей площади зеленоватых снежинок, что пытается достучаться до находящегося на противоположной части планеты глухого, игнорирующего и ясное старика; не исключено и желание моё почувствовать эти близкие шум и шорох, нельзя игнорировать и невозможность одного: впрочем, не так сильно и хотелось: моя вязкая слюна изначально была частью тела, и нет преград в определении её способности осязать и видеть с одним только послаблением насчёт полноты чувства, которое, разумеется, не воплотит в моей эмпирике то же, что демонстрируют иные

избалованные вниманием сенсоры: может быть мне и слышать, и видеть, и осязать, и обонять, и вкушать, и ещё многим спектром ощущений испытать капнувшим случайно сгустком из ротовой полости: жидкий же свёрток состоял не только из моей слюны, но и из крови отстранившегося клиента: ритуальность эта не смогла обойти меня стороной, и вычурно бегло стало чувство близости меня и этой восхитительной девушки: мы стали одним существом, наше восприятие объединилось, воплотившись в идеальную его форму: даже мне самому не был понятен весь прошедший за целую минуту путь до нежного её животика, носящего возле бледноватой в краях кровоточащей рваной щели, если пристрасно приглядеться, еле заметные, почти несуществующие прозрачные волоски, только подталкивающие мой интерес; и опускаюсь я всё ниже истрёпанным кровью приоткрытым ртом, своими покрасневшими намоченными губами, как замечаю нечто невозможное: сперва показалось это ядовитым обманом моих затуманенных удовольствием неуравновешенных очей: спустя пару нехотя и с тем робко совершённых движений стало понятно: всё это время находилась передо мною не прекрасная юная девушка, а женоподобный даже физически бесполой уродец, словно насмехающийся после своей смерти над моей напыщенной гадостью, столь деликатно отнёсшейся к его телу, духу и искусству, появившихся на начинающей тлеть плоти и скрепивших нас ранах; и ощущалась его духовная победа, хотя в первые минуты поверить я в это вовсе не мог, не противясь взбудораженному сознанию, автономно пытающемуся найти возможные оправдания и отговорки: ничего не смогло появиться и выйти вновь: все сеансы были услужливо выполнены при обманувшем мужском клиентстве, вероятно, пытающемся скрыть этот орган и причастность к таковому, что и получилось с невероятным успехом: пусть бы и был клиентом парень, как и вчера, однако в этом случае ключевым стало незнание подлинной природы, ошибочность абсолютно всей парадигмы, необходимость отказаться от всего, что было проделано с такими жертвенностью и детской непоколебимой уверенностью в свершаемом; и нельзя более стерпеть унижающего со скрытой костной ткани отчаяния моего, и остаётся лишь изменить гниющее обстоятельство, не отказываясь от выбранной судьбы, и непроизвольно отрывающийся вниз рот мой вновь опускается к уже смердящей женственной промежности мужчины, и с хрустом внутри щёк своих скривлённых откусывается это разом, нежеланным плесканием и непосильной болью во всех областях челюстей продолжая бить чудовищно разнородные негибкие ткани о продырявленную щёку, и с инертными плевками густой крови выкашливается оно самостоятельно сквозь покрытое сбивающим с осязания бредом мгновение, оставляя в горле моём застывающую от смущённого тепла плотную тяжёлую лужу, заставляющую сухо кашлять и чуть захлёбываться стекающей кровью; и жёсткая мочижина нарциссово-жёлтой каймы, уже вошедшая в нос и с сильной болью выходящая оттуда же, и лишённое чистых участков лицо моё уже полностью окрашены

облупившимся кровавым багрянцем, и вздутые сдерживаемыми уязвимыми воздушными шарами глаза залиты острыми алыми слезами, как слышится позади ещё более пугающий и плотно звенящий, нежели при отчаянном откусывании, звук: едва сумел я повернуться обессиленным корпусом и безвесной неподконтрольной головой, как увидел динамично извивающуюся под испаряющим свою плоть гневом массивную фигуру высокого дородного мужчины в обтягивающем во всех частях тела сером спортивном костюме, оголяющем на тулове вид волосатого, слегка выпирающего тёмного живота; и понятным стало, что действия его сейчас изменить парой слов не получится, ибо, бесшумно для меня вбежав в квартиру с незапертой, факт чего стучавшими ранее соседями не был исследован, проверка его могла показаться им недостаточно цивилизованным действием, а могла проявиться и их нервная невнимательность, входной дверью в смятении от вида крови и вероятных рассказов очевидцев об увиденном; он двумя руками попросту сорвал не столь уж ветхую дверь в ванную с петель, сейчас падающую чуть левее моей клиентки: парализующий горячий страх охватил меня от одной гримасы его ужасающей: пот стекал по, казалось бы, не так явственно проглядываемой под слоем жира мускулатуре, что только больше будоражило какое-то детское воспоминание, глубоко засевшее в тщательно сокрытой и отрицаемой сознанием дымке; и бескомпромиссное лицо его в замедленном духом времени выражало только желание жестоко отомстить мне, с обширным липким багряным украшением в ванной демонстрировавшему все грехи свои, ужасное содеянное во всей красе, со стойкой убеждённой, что наказывать преступника необходимо усиленным во много раз преступным деянием или его жестоким эквивалентом по отношению к нему: таким образом, для него убийство моё было бы благородным делом, и занеслась уже блестящая, провоцирующая снижение кончиков влажных губ к крупному подбородку тяжёлая рука его, однако в последнее мгновение, ветром разнёсшее всё вокруг моего лица остановившимся в дециметре от него кулаком, в чужих глазах, направленных теперь в сторону открытого единственного большого окна, обозначился исполинский первобытный страх.

Он, содрогаясь голосом своим и едва проговаривая согласные, жалким для человека со столь грозным обликом промямлил: «Гри... П-бомоги... Закрой... — и из ставших таковыми, вероятно, вследствие причиняющей величайшие страдания монотонной сидячей работы желтоватых глазниц тут же потекли быстро перекатывающиеся по приподнявшимся губам сверкнувшие трижды слёзы. — Г-глаза... Я... боюсь... Помо...»